

Глава 44. Расхождение путей. Часть вторая

Лянь Уцзю и сам подумывал оставить старших братьев, но не ожидал, что это случится так скоро. Повсюду носить клеймо Башни Феникса и ежедневно ловить на себе полные ненависти взгляды толпы... Даже под надёжной защитой братьев это становилось невыносимым. Он прекрасно понимал: оставаться с ними дальше — значит вести себя бесстыдно, превращаясь в обыкновенного прихлебателя, живущего на всём готовом.

Чтобы в один прекрасный день ненароком не пасть жертвой чьих-нибудь коварных козней, он выждал ещё пять дней, после чего распрощался с братьями и пустился в свободное плавание.

Оставшись в полном одиночестве, Уцзю быстро заскучал. Делать было решительно нечего, да и куда податься — бог весть. Он бы с радостью снял какой-нибудь скромный уголок, чтобы обзавестись крышей над головой, но финансы пели романсы: тех крох, что выделили ему на прощание братья, хватало лишь на скромное пропитание.

Он бесцельно кочевал из города в город. Прежде в такие минуты он непременно отправился бы в горы на сбор целебных трав, но теперь это казалось бессмысленной тратой времени, да и прежний запал куда-то улетучился.

Луна взошла на небосклон. Лянь Уцзю вяло дожевал пресную булку и снова побрёл куда глаза глядят. Когда же навалилась усталость и захотелось спать, он вдруг обнаружил, что его верного спутника — походного шатра — и след простыл. Ах да, его ведь отобрали в тот раз, во время памятной потасовки...

Он пересчитал оставшиеся монеты. Если снять комнату на ночь в каком-нибудь постоялом дворе, кошелек опустеет дочи́ста.

Вздохнув, Уцзю понуро спрятал деньги. Ему оставалось лишь сиротливо провожать взглядом весёлых прохожих и тоскливо смотреть на ярко освещённые окна трактиров, откуда доносился довольный гул голосов.

В этот момент в голове раздался знакомый системный сигнал. Открыв всплывающее уведомление, Лянь Уцзю обнаружил, что это рассылка от гильдии. Всем членам предписывалось в трёхдневный срок явиться в Столицу для подготовки к какой-то осаде... Он безучастно закрыл окно. Никакой ответственности или гордости за своё братство он не испытывал и уж точно не собирался тащиться в Столицу.

Не успел он об этом подумать, как ему на плечо бесшумно опустился почтовый голубь. Уцзю развернул прикреплённую к лапке записку:

"Ты где? Пожалуйста, постарайся добраться до Столицы за три дня. Нам очень нужны твои лекарства"

Внизу стояла подпись: Призрак.

Лянь Уцзю в замешательстве повертел бумажку в руках. Отказать другу он не мог — помочь нужно было во что бы то ни стало, а значит, следовало немедленно взяться за алхимию.

И тут его осенило. Деревня Жасмина! Задняя гора! Ведь старик, что разводил голубей, подарил ему свою хижину! Там же можно жить! Наконец-то он вспомнил, что у него есть собственный угол!

Окрылённый этой мыслью, Уцзю со всех ног припустил по залитой лунным светом тропе к подножию горы. И действительно — ветхая соломенная хижина преспокойно стояла на прежнем месте!

Одиноким тёмным домик дремал в ночной тишине, а неподалёку от него лениво пощипывали траву монстры-быки. Уцзю осторожно толкнул дверь. В лицо ему тут же ударило облако затхлой пыли. По спине пробежал холодок. Неужели ему действительно придётся ночевать в этой жуткой, беспросветной темноте?

На душе скребли кошки, и вкрадчивое предчувствие беды не давало покоя.

Он на ощупь пробрался к окну и распахнул ставни. В комнату хлынул мягкий, серебристый свет. Но не успел Уцзю насладиться долгожданным покоем, как в полумраке сверкнула холодная сталь. Повинуясь чистейшему инстинкту, он отпрянул в сторону — острое лезвие пронеслось в волоске от его щеки. Не дав ему опомниться, невидимый противник замахнулся вновь. Лянь Уцзю резко развернулся и со всех ног бросился вон из хижины.

Едва он выскочил на улицу, как ночную тишину разорвал знакомый, яростный крик:

— Идиот! Назад! Не смей выходить!

— Брат Су! — в смятении крикнул Лянь Уцзю, не понимая, радоваться ему или пугаться.

— Какой к чёрту Су?! — отозвался неистовый голос, в котором за гневной бранью отчётливо сквозила паника. — Живо вали обратно в дом!

Резкий лязг сталкивающегося оружия разносился по округе с пугающей чёткостью.

Обижаться на ругань времени не было. Уцзю послушно развернулся, чтобы прыгнуть обратно за порог, но не успел даже коснуться косяка, как предплечье обожгло резкой болью — чей-то клинок рассёк кожу до мяса. Сдавленно вскрикнув, он прижал к груди мгновенно окровавленную руку. На глаза навернулись слёзы.

— Чего развопился?! — снова гаркнул Су Линцзюнь. — Дверь открывай и прячься!

По надрывному хрипу товарища было ясно, что тот бьётся из последних сил. Если сейчас же не укрыться, они оба протянут ноги. Превозмогая пульсирующую боль, Уцзю ухватился за ручку здоровой рукой и рванул дверь на себя. Оказавшись внутри, он высунулся наружу и отчаянно позвал:

— Заходи скорее! Дверь открыта!

Похоже, нападавшие почему-то не могли переступить порог хижины.

От этого крика Су Линцзюню выть хотелось. Легко сказать «заходи»! Был бы у него выбор! Злости не хватало!

Повсюду свистела сталь. Су Линцзюнь, сжимая в руке Меч Холодной Звезды, из последних сил отбивался от семерых нападавших. И хотя он уже успел освоить технику этого оружия, он продвинулся лишь до первой ступени — выстоять в одиночку против семерых подготовленных убийц ему было не под силу.

Прильнув к дверной щели, Лянь Уцзю заворожённо следил за жестокой схваткой. Су Линцзюнь явно сдавал позиции, его одежда быстро окрашивалась багровыми пятнами. Уцзю прошиб холодный пот. В эту секунду он всем сердцем возненавидел собственное бессилие — ни ядов под рукой, ни малейших боевых навыков.

Раздался противный хруст: клинок врага глубоко вошёл в плечо Линцзюня. Тот пошатнулся и попятился. Лянь Уцзю больше не мог просто стоять и смотреть. Стиснув зубы, он выскочил наружу и подставил плечо, помогая другу удержать баланс. Эта секундная передышка спасла Су Линцзюня — он мгновенно сориентировался, сделал широкий круговой замах, и его меч с сухим свистом повалил троих противников.

Оставшиеся четверо мгновенно перестроились. Поняв, что медлить нельзя, они скоординированно сменили цель: оставив раненого воина, убийцы разом направили свои клинки на беззащитного аптекаря.

— Беги! — истошно взывал Линцзюнь, отчаянно пытаясь перехватить их удары.

Уцзю среагировал мгновенно и бросился наутёк, но уйти от мастеров меча не сумел. Лопатки обожгло нестерпимым жаром — два лезвия глубоко полоснули его по спине. Валясь на землю, он вдруг по-детски, глупо улыбнулся:

"Какое счастье, что голова осталась на плечах... Безголовым мертвецом быть совсем не хочется"

— Уцзю!

Ярость затопила разум Су Линцзюня.

— Твари! Кто вас нанял?! — взревел он, бросаясь в самую гущу боя.

Ему было наплевать на защиту, он забыл про боль. В ситуации один против четверых выжить было практически невозможно, но его это не останавливало. Единственное, чего он сейчас страстно желал — забрать этих ублюдков с собой в могилу.

Движимый слепой ненавистью и отчаянием обречённого, Линцзюнь сам не заметил, как его клинок сотворил маленькое чудо. Базовая техника Меча Холодной Звезды, едва освоенная им накануне, вдруг перетекла в абсолютно новое русло — он интуитивно постиг вторую ступень искусства: «Бесконечную привязанность».

Его удары лишились былой прямолинейной ярости, но каждый выпад теперь завораживал своей тягучей, неотвратимой мягкостью. Стоило стали коснуться врага, как она уже не отпускала его, оплетая плотным кольцом ложных движений — словно безумный, смертоносный возлюбленный, утягивающий свою жертву на дно.

Когда последний из нападавших безжизненно рухнул в траву, пальцы Линцзюня, судорожно сжимавшие эфес, полностью онемели. От него за версту разлило кровью. Он тяжело повернулся к распростёртому на земле Лянь Уцзю. Тот лежал неподвижно в луже собственной крови, потеряв сознание, но, к величайшему облегчению Су, всё ещё дышал.

Шатаясь от усталости, Линцзюнь опустился перед ним на колени. Раны на спине оказались неопасными — мечи прошли по касательной, хотя длинные рваные разрезы выглядели жутко. Влив в рот товарищу зелье восстановления, чтобы остановить кровотечение, Су бережно поднял его на руки и перенёс в хижину. Он попытался отыскать в вещах Уцзю хоть какие-то целебные снадобья, но обыск ничего не дал.

До рассвета оставалось ещё долго. Множество мелких порезов на собственном теле не давали Су Линцзюню уснуть, так что он просто устроился на хлипком стуле рядом с постелью, терпеливо дожидаясь, пока парень придёт в себя.

С первыми петухами Лянь Уцзю приоткрыл глаза. Тело ныло от тупой боли, а лицо казалось задеревеневшим — провести всю ночь ничком на жёстких досках было тем ещё удовольствием. К старым ранам добавилась ломота в затёкших мышцах.

Пошевелить головой он не решался, а потому лишь осторожно скользил взглядом по комнате. Заметив мирно дремлющего на стуле Линцзюня, он с облегчением выдохнул. Похоже, костлявая в эту ночь ушла ни с чем.

— Проснулся наконец? — негромко спросил Линцзюнь, заметив его движение.

Уцзю попытался выжать из себя улыбку, но губы пересохли, а язык словно прилип к гортани.

— Спасибо, что спас... — выдавил он.

Раньше подобные слова давались ему без труда, но сейчас холодный, безучастный вид Су Линцзюня внушал необъяснимую тревогу. Хотелось инстинктивно втянуть голову в плечи. Такой отстранённый Су казался куда более чужим и пугающим, нежели тот вспыльчивый грубиян, к которому он привык.

— Твои порезы нужно обработать. Говори, какие лекарства нужны, я схожу в город.

Наморщив лоб, Уцзю принялся медленно перечислять названия необходимых трав и мазей. Когда Линцзюнь молча скрылся за дверью, парень удручённо вздохнул. До него наконец дошло: они ведь поссорились тогда, в городе, и до сих пор так нормально и не помирились.

И судя по его ледяному тону, злился брат Су не на шутку.

Линцзюнь вернулся ближе к полудню. Причём не один, а в сопровождении лекаря — молодой женщины.

Познания гостыи в медицине были весьма заурядными, но с банальными порезами она управиться могла. Вот только стоило Лянь Уцзю понять, что перед ним дама, которая без лишних слов потянулась срывать с него рубаху, как он взбунтовался.

— Не надо меня лечить! Пусть она уйдёт! Я сам всё намажу! — отчаянно заверещал он, заливаясь краской до самых ушей.

— Женщины тоже бывают лекарями, — сухо отозвался Линцзюнь.

— Знаю я... но всё равно не хочу! — Уцзю мёртвой хваткой вцепился в края ворота. — Брат Су, ну пожалуйста... Может, ты сам меня перевяжешь?

— Я вообще-то тоже ранен. Кто меня-то латать будет?

—... Я и тебя перевяжу.

— А подняться-то сможешь? Руками пошевелить?

— У меня... одна рука вполне здорова.

— Ну уж нет, женские руки куда нежнее, — отрезал Линцзюнь. — Раз ломаешься, тогда пускай меня лечит!

С этими словами он бесцеремонно стянул через голову рубаху. Лянь Уцзю невольно сжался, увидев его торс, покрытый глубокими царапинами и кровоподтёками. В груди шевельнулось жгучее чувство вины. Уткнувшись подбородком в подушку, он заворожённо наблюдал за тем, как лекарка ловко обрабатывает раны Су Линцзюня, одну за другой. Её тонкие пальцы действительно двигались с поразительной, почти невесомой нежностью.

То ли от усталости, то ли от слабости после потери крови Уцзю незаметно для себя снова провалился в сон. А когда разомкнул веки, то с ужасом обнаружил, что лежит абсолютно голым, распластанный на кровати на милость чужих рук!

Линцзюня в комнате не было. Зато лекарка с предельной сосредоточенностью смазывала мазью его многострадальную спину. Лянь Уцзю мгновенно залило краской от макушки до пят.

— Какая чувствительная кожа! — весело протянула девица. — Надо же, даже спина покраснела.

Уцзю онемел от шока. Эта... эта женщина... просто верх бесстыдства!

Словно прочитав его мысли, лекарка рассмеялась ещё звонче:

— Впервые вижу такого стеснительного парня! Вымирающий вид, не иначе. Какая прелесть!

Чмок!

Она внезапно поцеловала его в губы. Перед глазами Уцзю вплотную оказалось её лицо — пушистые ресницы, безупречная кожа и тонкий, сладковатый аромат... Он так и застыл с широко распахнутыми глазами, не в силах шевельнуться. Когда же девица наконец отстранилась, несчастный юноша окончательно превратился в пунцовое каменное изваяние.

— Ой, не могу! Ну что за прелесть! Так бы и зацеловала! — Она кокетливо подмигнула окаменевшему парню и снова наклонилась, намереваясь сорвать ещё один поцелуй.

— Тебя позвали лечить раны, а не лапать пациентов.

Из-за её спины раздался ледяной, угрожающий бас. Лекарка разочарованно вздохнула и отпрянула, примирительно подняв руки:

— Ну надо же было взять дополнительную плату за труды! Чего ты такой жадный? Будто он твоя личная собственность. Ладно-ладно, с парнем всё в порядке, раны затянутся. Я пошла. До

встречи!

На прощание она послала Уцзю воздушный поцелуй и весело упорхнула за дверь.

Су Линцзюнь смерил взглядом всё ещё пылающего от стыда Уцзю и фыркнул:

— И это всё, на что ты способен? Подумаешь, поцеловала разок. Чего так бурно реагировать?

Уцзю сообразил, о чём речь, лишь спустя добрую минуту. Сгорая от стыда, он торопливо натянул на себя тонкое одеяло до самого носа и, закопавшись поглубже, обиженно пробурчал:

— А кто просил приводить женщину?.. Мужчинам и женщинам не пристало так близко общаться.

— Раз так, может, тебе на ней жениться? — съязвил Су Линцзюнь, глядя на шевелящийся бугор под одеялом.

—... Я... я спрошу у учителя, когда вернусь... — робко пискнул из-под простыни Уцзю.

В ответ раздался оглушительный грохот — Су Линцзюнь пулей вылетел из комнаты, с силой захлопнув за собой дверь.

<http://bllate.org/book/18276/1769260>